



КТО СЖЁГ ЛИЛИИ?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЕКАТЕРИНА ГЕЙЗЕРИХ

18+

Екатерина Гейзерих

Кто сжѣг Лилли?

«Автор»

2024

Гейзерих Е.

Кто сжёг Лилли? / Е. Гейзерих — «Автор», 2024

Матвея привозят в психиатрическую клинику с тяжёлыми ожогами, обескровленного и в неадекватном состоянии. Сам он ничего не помнит о произошедшем, но по клинике ходят слухи: на вечеринке в лесу он якобы сжёг свою девушку Лилли. Каждый день в палату Матвея приходит медсестра и даёт таблетки. Но всё меняется, когда Матвею разрешают посещать общую гостиную. Там он неожиданно узнает, что в ту же ночь из леса привезли ещё шесть пациентов. Таинственная связь между ними и событиями той роковой ночи не даёт покоя Матвею. Он начинает общаться с каждым из них, пытаясь восстановить кусочки мозаики и понять, что действительно произошло на пожаре. В этой загадочной и мрачно-атмосферной клинике каждый пациент скрывает свою тёмную тайну, а осознание правды может оказаться более страшным, чем сами воспоминания.

© Гейзерих Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Чистилище.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Екатерина Гейзерих

Кто сжѐг Лилли?

Чистилище.

Омерзительно. Кисти стягивают кожаные ремни, в бок впиалась пружина. Матвей не может открыть глаза, пошевелить конечностями. На стене грязной изолентой приклеена салфетка с буквами, выведенными красной губной помадой:

КТО СЖѐГ ЛИЛЛИ?

– А я откуда знаю!, – орѐт Матвей и дергается.

– Тише, тише, – в палату входит медсестра в ослепительно белом халате. От одного его вида сводит зубы. Еѐ лица не видно. Матвею мешают обгоревшие корки на глазах. Но руки он видит... Нежные, белые руки были его единственной надеждой, той ниточкой, что связывает с реальным миром сознание. Матвей часто представлял по ночам, как белые руки медсестры ласкают горелую плоть.

– Время пить таблетки, – мурлыкает медсестра. Интересно, сколько им платят за то, чтобы они вели себя так? Радостно? Беззаботно? Будто бы ничего и не было? Вроде он не знает, что она знает, за что он здесь. Матвей приподнимается в кровати. Пружина больше не колет бок, но кисти свело до предела.

– Ну-ну, какой торопыга!, – она ослабляет ремни.

– Когда это закончится..., – шепчет Матвей пересохшими губами.

Яркий свет, как в операционной, режет глаза. Он жадно пьет молоко через трубочку. Молоко течет по подбородку. Матвей ненавидит капли на подбородке. Людей, что позволяли себе жидкость на теле, он считает самыми мерзкими выродками на планете. Пот, кровь, молоко – любая капля приводит Матвея в ярость. Пациент дергается. Медсестра достает из сумочки на поясе накрахмаленное стерильное полотенце и бережно протирает подбородок.

– Ну вот. Вот и ладненько, – шепчет она заботливо.

– Помогает?, – прохрипел.

– Видишь, мы уже сухие!, – мурлыкает.

– Я бы предпочѐл, чтобы ты была влажной, – первая попытка за сегодня. Крутим барабан. Она ничего не отвечает, но Матвей осязает жар еѐ тела – смутилась. В смущении были сомнения. Не резкое «нет», не шутка, не движение в сторону выхода. Смущение. Матвей не может распознать странное чувство, будто он уже видел их вместе – медсестру и его. Сон? Возможно. Но она продолжает сидеть на кровати, красная от волнения. Еѐ грудь тяжело вздымается.

– Ремни, – буднично говорит Матвей.

Медсестра молчит. Она не двигается – застыла, как статуя.

– Ремни, – напоминает Матвей, – Или я снова буду выпрашивать твоѐ имя.

– Нам нельзя..., – шепчет.

– Я знаю. Ремни.

Еѐ пальцы стягивают застѐжки. В бок снова колет пружина. На грудь падает салфетка.

– Верно, Маша повесила. Еѐ помада, – салфетка жестоко порвана и выброшена в мусорное ведро.

– Как она попадает сюда? Я же привязан.

– Ненадолго, Матвей, – он слышит, как кожа девичьих щек растягивается по зубам. Кажется, медсестра улыбается, – Скоро тебе разрешат общаться с остальными.

– Когда?, – рвѐт он ремни.

– Завтра. Если врач разрешит, то завтра сможешь выйти в общую комнату. Познакомишься с Машей и Владиславом. И с остальными.

Матвей обрушивается на кровать. Потолок – цвета прогорклого молока. Такой цвет у комочков в манной каше. У грязных кружев, что бабушки надевают на похороны. У занавесок в заброшенных деревнях. Такой цвет у потолка в психиатрической лечебнице. Сутки. Ждать осталось недолго.

Мягкие белые локоны. Бархатная кожа, на которой видно волоски в свете дня. Она любила заниматься сексом с утра. Она – идеальная. Смеялась над его шутками. Не смеялась над шутками других, из-за чего её считали странной. Щербинка между зубов. Веснушки. У неё были удивительно жѐлтые ресницы – с толстыми белыми корнями, коричневые на кончиках. В сумме жѐлтые. Один, два, три – загибал пальцы Матвей, считая её достоинства. Пальцев у Матвея бы не хватило пересчитать Лилли. Мягкую, глубокую, тёплую, родную, светлую, сочную, невинную Лилли.

Её назвали Лилией. Родители работали в похоронном агентстве. Оба. Это были самые веселые взрослые из всех, кого когда-либо видел Матвей. Они носили чѐрное. У них родилась самая белая дочь на свете. Сферически идеального в вакууме белого цвета. Они шутили, что перед родами Лилли прополоскали в формалине. Имя «Лилли» выбрала её мать. Ли-ли. Лилли. Цветочек. Лилли и правда была вечно цветущим благоуханным бутонem. Она смеялась и над ним.

Они выросли. Матвей и Лилли. Школа. Университет. Ей было всё равно, где учиться. Она поступила с ним на физмат. Смеясь. Легко. Делая унизительные ошибки. Благо ЕГЭ позволял ошибаться в мелочах. Важна была общая картина. Так и Лилли была общей. Её размытость ускользала от правильного Матвея. Он не мог её посчитать. Он не мог понять, как она поступила. Но она смогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.